

К 100-летию С. Г. Чавайна

С ПЕСНЕЙ В ПУТИ

Предлагаем вашему вниманию автобиографические записки С. Г. Чавайна, переведенные на русский язык К. К. Васинным.

О ТОМ, что я, будучи семинаристом в Казани, распространял среди народа прокламации, полиция узнала спустя два года. К тому времени я, окончив семинарию, успел поработать одну зиму учителем в школе. Летом 1909 года становой пристав и два стражника прибыли ко мне, в родную деревню, и сказали:

— Будем искать запрещенную литературу...

Пристав обо мне расспрашивал односельчан. Сотский Микал Япык, мужик пожилой и степенный, обо мне говорил только доброе.

— Ну, какой же он человек? — наконец задал вопрос пристав. — Как он ведет себя?

— Очень хороший человек, — сказал Микал Япык. — Водку не пьет...

Становой пристав, к своему огорчению, не нашел у меня так называемой «запрещенной литературы», я ее успел хорошо припрятать.

Но все равно после этого оказался под негласным надзором полиции.

В 1915 году, в самый разгар первой империалистической войны, чтобы избавиться от солдатчины, я уехал в Среднюю Азию. Стал работать учителем на станции Аральское море Ташкентской железной дороги. Но главной причиной моего отъезда были всяческие притеснения местных властей. Помню, весной 1914 года ко мне в школу на экзамены приехал уездный инспектор Ткаченко. Он, сердито взглянув на меня, сказал:

— Что ваши ученики плохо говорят по-русски?

— Не забудьте, Даниил Авксентьевич, — говорю я, — у нас черемисская школа, поэтому у нее свои трудности...

— В моем ведении, — высокомерно ответил мне инспектор, — нет каких-то черемисских школ, а имеются начальные училища, созданные по положению 1876 года... Черемисская школа! А знаете, что на Украине дело идет о тридцати мил-

лионах школяров, и то с ними не церемонятся.

Обыватели-мещане всячески злословили, пытались унижить сельского интеллигента инородческого происхождения... Приходилось жить и служить в атмосфере произвола, грубости и невежества. И захотелось мне как-то почувствовать иной жизни...

В Туркестане в период гражданской войны я несколько лет жил на территории, занятой белыми. Поэтому до осени 1919 года ничего не знал о судьбе родного края, родного народа. После того, как был прорван белый фронт, выехал домой и 3 ноября 1919 года прибыл в Казань.

По сравнению с прошлым город стал совершенно иным, во всем чувствуется революционная новь. На одной улице встретил знакомых. Они посоветовали мне пойти в отдел мари, находящийся в доме 13 по улице Вознесенской. Зашел туда, а там — другие знакомые: по семинарии, революционному подполью. Кто-то подал мне газету «Йошкар кече». Увидев марийскую газету, я обрадовался. И в тот же вечер написал стихотворение «Привет, народ мари»:

От аральских берегов,
Родины услышав зов,
Сын к тебе, народ мари,
Возвратился, посмотри.
Не уймет он сердца стук,
За тебя он рад душой:
Вольный труд кипит вокруг,
Пред тобою путь большой.

Написав, сдал его в печать. Вскоре сам стал работать в редакции газеты. Сперва — литературным работником, потом поставили меня редактором. В декабре 1921 года вместе с редакцией газеты переехал в Краснококшайск. Сравнительно недавно была образована Марийская автономная область. Местные организации еще не успели окрепнуть. Кругом народ голодает. Сотрудников в редакции недостаточно. Нередко приходилось выпускать очередной номер одному, но, не-

смотря на все трудности, газета «Йошкар кече» выходила регулярно.

До 20 октября 1923 года я был главным редактором газеты, которая теперь заметно окрепла, стала боевым партийным органом...

Возмужало и мое творчество. Написал стихотворения «Революция» (1920), «Первому съезду Советов Марийской области» (1921), очерк «Семен и Джон» (1931), пьесу «Лесозавод» (1932), поэмы «Ударникам полей» (1933), «Девушки» (1934). Если сказать истину, то и они не без погрешностей. Однако по их содержанию видно, что писатель Чавайн уверенно встал на прочную, светлую дорогу пролетарской идеологии. У меня теперь одна цель: глубже осознав философские идеи Маркса и Ленина, дать марийским трудящимся новые художественные произведения, социалистические по содержанию, национальные по форме. Сейчас подготовил к печати пьесу «Акпатыр». Пишу роман о жизни марийского народа в 1905—1914 годах. К осени думаю завершить его...

В марийской литературе я — пионер, первопроходец. Не было для меня готовой, проторенной дороги. И пришлось пробиваться вперед, словно через никем не хоженный, дремучий лес.

Шел лесами я глухими,
Шел болотами гнилыми,
С новой песней я шагал,
Новый путь я расчищал.
На дороге трудной падал,
Но вставал и шел, как надо,
Звал я к свету край родной,
Славший в тишине лесной.

Все хорошее, душевное, что есть в моем творчестве, возникло из любви к родному народу, из желания создать на родном языке художественную литературу и показать героическую борьбу марийских трудящихся за свое социальное освобождение, воспеть их активное участие в строительстве социализма. Мечта помочь труженикам-марийцам успешно преобразовать действительность, обновить мир вдохновляет меня на творческие дерзания...

С. ЧАВАЙН.

1934—1935 гг.

Марийская правда - 27 января - 1988 год